

А.Л. АНДРЕЕВ

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ДИСПОЗИЦИЙ ПРОТОЭЛИТНОЙ СРЕДЫ

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» и Национального исследовательского университета «МЭИ», Москва, Россия (sympathy_06@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена социокультурным аспектам формирования в России новой технократической элиты, соответствующей перспективе возникновения так называемого «общества 5.0». В качестве гипотетической протоэлитной среды, на базе которой в перспективе может кристаллизоваться «элита 5.0», рассматривается студенческий контингент ведущих российских вузов с повышенными требованиями к уровню подготовки. Реконструируется картина мира, модели личной самореализации и жизненного успеха, иерархия ценностей молодежи, обучающейся в этих вузах. На основе психосемантического зондирования реконструкции внутреннего мира «авангардной» части студенчества делаются прогнозы по поводу возможной эволюции взглядов и ценностных ориентаций в данной социальной среде. Отмечается значительная роль американской и китайской моделей в формировании представлений молодых образованных россиян о том, как должно развиваться современное общество. В то же время, опираясь на данные проведенного исследования, автор обосновывает тезис, что российская интеллектуальная молодежь не проявляет склонности к резкому разрыву с традициями и, вероятно, с той стратегией традиционалистской модернизации, которая в настоящее время реализуется в России.

Ключевые слова: элита • «общество 5.0» • протоэлитная среда • психосемантическое зондирование • студенчество • ценности • жизненный успех

DOI: 10.31857/S013216250004961-0

Проблематика элит в современной науке. Потенциал и пути развития любого общества в высокой степени зависят от того, какими качествами и характеристиками обладают его элиты [Bottomore, 2017]. Однако советское обществоведение долгое время рассматривало данную проблематику исключительно на зарубежном материале. Смена общественного строя в нашей стране, отстранившая от власти прежнюю партийную номенклатуру и поставившая на ее место финансово-политическую олигархию, послужила стимулом для быстрого (даже «сверхбыстрого») развития отечественной элитологии. Подробно исследовались генезис и состав постсоветских элит на общенациональном и региональном уровнях, взаимоотношения элитных группировок, компетентность, ценностные ориентации и политическая культура новых элит, их место в системе социальных коммуникаций, властные ресурсы и механизмы взаимодействия с массами (см. обзор: [Гаман-Голутвина, 2016]). В свое время была высказана мысль о повороте постсоветской политической науки к элитистской парадигме [Ашин, 2009].

Новейшая российская научная литература, посвященная данной проблематике, обширна и отличается разнообразием ракурсов анализа. Но практически вся она написана в модальности *post factum*; вопросы прогнозирования применительно к данной области социального знания не ставились. Между тем в условиях, когда социальная история приобретает проектный характер, такое прогнозирование становится важнейшим

инструментом оценки целенаправленно создаваемого будущего и ключевым звеном стратегии национального развития в целом. Поскольку история сама по себе «не сражается ни в каких битвах» и может быть понята лишь как продукт человеческой деятельности, любой проект будущего является одновременно и проектом формирования способных к сознательному историческому целеполаганию авангардных социальных групп.

В истории едва ли найдется пример общества, в котором формирование элиты было бы пущено на самотек. Со времен Аккада и Шумера этот процесс был встроен в систему социального контроля. Однако его цели в общем и целом сводились к экстраполяции на будущее идеализированных качеств существующих элит (обычно в сочетании с попытками искоренения их реально существующих пороков). Брахманы воспитывали брахманов, рыцарство – рыцарей, городской патрициат – рассудительных и бережливых «отцов города», и т.д. Но когда «делать историю» превращается в «проектировать будущее», такая экстраполяция становится неадекватной, поскольку речь должна идти уже не о смене поколений в рамках воспроизводства тех или иных высокостатусных групп, даже не о переливании им порций «свежей крови», а о том, что можно назвать *сменой оснований элитарности*.

Это значит, что проектирование будущего может быть реализовано только одним способом, который можно определить как *«социальную инженерию элит»*. Некоторые попытки целенаправленного формирования элитных групп под определенный социальный проект наблюдались в современной политике. Правда, то знание, на которое они опирались, – сугубо рецептурное, своего рода «политическая алхимия»; настоящего научно-теоретического обоснования здесь не просматривается. Поэтому такого рода попытки нередко разочаровывают. Классическим примером может служить генезис постсоветской финансово-политической элиты.

Поскольку формирование, воспроизводство и перегруппировка элит зависят от переплетения множества факторов, в том числе неявных и случайных, довести понимание этого процесса до уровня познанной закономерности вряд ли вообще возможно. Другое дело – мониторинг складывающихся трендов или рабочие модели, которые всегда носят ситуативно-вероятностный характер и рассчитаны на некую обозримую перспективу (поскольку в отличие от физического мира, где действуют постоянные законы, социально-историческая реальность – сфера быстрых и «летучих» закономерностей, имеющих очень ограниченное время действия). Когда социальная динамика меняется, рабочая модель по результатам очередной диагностики неизбежно должна уточняться или заменяться новой. Сказанное, разумеется, относится и к России, дальнейшее движение которой по путям истории также не предопределено и допускает варианты будущего, среди которых, к сожалению, есть и негативные.

Мы, однако, не хотели бы сейчас рассматривать комбинации факторов, которые могут способствовать реализации различных теоретически возможных сценариев развития. Сконцентрируем внимание лишь на том из них, относительно которого в российском обществе сложился очень широкий – по сути дела общенациональный – консенсус. Это – переход к инновационной модели развития. Не так давно целеполагание в рамках данного сценария было конкретизировано: в качестве интегральной задачи на перспективу выдвинуто создание цифровой (интеллектуальной) экономики.

Социальные последствия новой техноэкономической революции – по С. Глазьеву, переход к VI технологическому укладу [Глазьев, 2017] – еще не вполне понятны. Но в первом приближении ясно, что такие ее аспекты, как искусственный интеллект, значительное расширение сферы использования робототехники, внедрение так называемого «интернета вещей», распространение нанотехнологий, а в перспективе – и биомедицинских технологий, позволяющих осуществлять коррекцию органической природы человека, приведут к качественному изменению институциональных дизайнов (отметим, в частности, перспективу возникновения так называемых цифровых организаций), а значит, и к выработке неких новых, пока неизвестных, форм социальности – возможно, тех, которые

в футурологических размышлениях последних лет получили условное обозначение «общество 5.0» [Уэмура, 2017].

В переломные моменты истории неизбежно возникает запрос на формирование новых элит, выступающих в качестве фермента и движущей силы происходящих перемен. Возникнет ли в России цифровая экономика и суперинтеллектуальное общество, а если да, то какими они будут (логично предположить, что их формы будут столь же вариативными, как и формы индустриального общества XIX–XX вв.), какой при этом станет сама Россия и ее отношения с остальным миром – все это в значительной степени определяют менталитет и другие социальные качества новых элитных и субэлитных групп, которых происходящая на наших глазах смена технологических укладов будет выдвигать на авансцену истории.

Поскольку термин «элита» может пониматься по-разному, сразу оговорим, что в данном случае мы будем употреблять его не в оценочном и не в статусном смысле (два наиболее распространенных в настоящее время подхода), а в смысле исключительного обладания некоторыми «авангардными» компетенциями, на которые в данный исторический момент опирается дальнейшее развитие общества. В нашем случае речь идет о способности контролировать функционирование сложных социотехнических систем. Рассматривая носителей такого рода компетенций в ретроспективе исторической смены элит, можно было бы называть их элитами пятого типа (предшествующие четыре типа – это жрецы, военная аристократия, бюрократия и «хозяева денег»). Или, если выдерживать утвердившуюся в последние годы стилистику рассуждений о будущем, – «элитой 5.0».

Здесь мы вступаем в область модальной логики, имеющей дело со следствиями из теоретически возможных социально-исторических альтернатив. Будущее не дано нам как непосредственно наблюдаемый эмпирический объект, но тем не менее мы в состоянии зафиксировать по крайней мере некоторые условия формирования его сценариев, «отзвуки» которых, в случае реализации той или иной исторической возможности, будут сказываться на дальнейшем течении социально-исторического процесса. Такое сценарное моделирование – не просто дань любопытству, побуждающему нас заглянуть в будущее; его результаты могут быть востребованы и социальной практикой: почему бы, в частности, обществу не попытаться *направлять или, по крайней мере, корректировать процессы формирования элиты в своих интересах?* Да, разумеется, раньше ничего подобного не было, но думается, что с появлением современных социальных и гуманитарных технологий общество получило необходимые для такой корректировки инструменты (кстати, такая корректировка открывает перспективу перехода на более высокий уровень социальной демократии по сравнению с нынешней сугубо политической электоральной демократией, все более коррумпированной).

Исходные посылыки и методология исследования. Итак, будем исходить из того, что элиты для «общества 5.0» еще нет. Но ясно, что она не может взяться ниоткуда. Стало быть, мы вполне можем говорить о социальной среде (или, что, может быть, точнее – протосреде), из которой она при определенных условиях может сформироваться. Какая из существующих в российском социуме социальных групп более других подходит на эту роль? Логичнее всего было бы обратиться к изучению под этим углом зрения студенческого контингента российских вузов, где аккумулируется наиболее подготовленная и креативная часть молодежи, которая, можно ожидать, исходя из уровня ее подготовки, лет через 20–30 займет лидирующие позиции в сферах, критически связанных с современными инновационными технологиями.

Понятно, что это утверждение нельзя понимать слишком буквально: дипломы так называемых элитных вузов, конечно же, не дают автоматической гарантии продвижения в ряды элиты: наоборот, в ее составе могут оказаться люди с более скромным стартовым образовательным капиталом. Тем не менее хорошо известно, какую роль в «социальном отборе» и воспроизводстве интеллектуальных и политических элит стран Запада издавна играли Оксфорд и Кембридж, Гарвард и Принстон, Стенфорд и Йель, Массачусетский технологический институт, французские «большие школы». Но самое главное – это даже

не индивидуальная карьера выпускников, а способность таких учебных заведений формировать сети общения, в рамках которых вырабатывается модель или, если можно так выразиться, *стилистическая маркировка элитарности* (включая менталитет и некоторые визуальные признаки выделяющего ее культурного кода).

Попробуем описать настроения и образ мыслей интересующей нас среды на базе результатов социологического опроса студентов и аспирантов ряда ведущих московских вузов, традиционно высоким престижем привлекающих наиболее сильных абитуриентов. Опрос проводился осенью 2017 г. в рамках совместного российско-белорусского проекта «Молодежь в постсоветском пространстве картина мира, ценностные установки, стратегии самореализации». Целью проекта была реконструкция социальных представлений и, если можно так выразиться, первоначальной социальной субъектности интеллектуальной среды, на базе которой в дальнейшем может сформироваться новая элита эпохи нанотехнологий и искусственного интеллекта. Всего нами было опрошено 1330 респондентов¹; применялась серийная выборка, в которой отбор единиц анализа осуществлялся поровну из двух сводных групп – как с гуманитарным, так и с техническим и естественнонаучным направлением подготовки. Другой срез исследования предполагал выявление динамики по различным образовательным уровням подготовки: младшие курсы бакалавриата (1 и 2); старшие курсы бакалавриата (3 и 4); магистры и аспиранты; доля студентов младших курсов в общем объеме выборки составила 50%. Распределение опрошенных по полу в выборочной совокупности примерно соответствовало общероссийской статистике: около 48% юношей и 52% девушек.

Результаты исследования. В соответствии с условиями опроса, наши респонденты должны были ранжировать базовые жизненные ценности по их субъективной значимости, выбрав из предложенного им перечня те, которые они считают самыми важными. Полученные результаты в сокращенном виде представлены в табл. 1.

Таблица 1

Жизненные ценности, считающиеся в студенческой среде наиболее важными
(% от числа ответивших)

Жизненные ценности	%	Жизненные ценности	%
Семья	74	Справедливость	18
Саморазвитие	54	Познание	15
Дружба	52	Комфорт	12
Здоровье	49	Репутация	7
Любовь	46	Толерантность	6
Душевное равновесие	31	Досуг	6
Интересная работа	24	Престижная профессия	5
Материальное благосостояние	22	Долг перед Родиной, людьми	4
Личная независимость	21	Власть	4
Творчество	21	Общественное признание	3
Яркие впечатления	20	Национальное достоинство	2

Примечание. Разрешалось отметить до 5 приоритетных вариантов ответа, вследствие чего сумма цифр по столбцам превышает 100%.

¹ На данном этапе для проведения опроса были выбраны несколько высокорейтинговых вузов (согласно Шанхайскому рейтингу) – НИУ Московский энергетический институт, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, МВТУ им. Баумана, ряд гуманитарных факультетов МГУ, ВГИК. Представляется, что этого достаточно, чтобы сделать некоторые предварительные выводы, хотя для получения более полной картины данный список следует в дальнейшем пополнить еще рядом учебных заведений, которые могут претендовать на ведущую роль в формировании интеллектуального слоя российской элиты (МФТИ, СПбГУ, МГИМО, РАНХиГС, НИУ ВШЭ и др.).

Как видно из таблицы, безусловным приоритетом для молодых образованных россиян является семья. От ценности «саморазвитие» ее отделяет 20 п.п. – самый большой разрыв между двумя соседними строчками. В самой верхней части нашего списка оказались и такие понятия, как дружба и любовь. Обобщенно можно сказать, что это – ценности «малого круга» общения, в котором люди объединены особой эмоциональной близостью. Заметим, что такой порядок приоритетов характерен для всех славянских (даже шире – восточноевропейских) народов.

Разумеется, молодые люди принимают близко к сердцу и вопросы материального благосостояния, но данная позиция занимает место не в первых строчках таблицы, а ближе к ее середине, уступая при этом и интересной работе, и душевному равновесию. Такие проявления «суесть мира сего», как обладание властью, престиж и известность, нашу молодежь, по-видимому, не слишком волнуют. В конце рейтинга находим и некоторые культивируемые на Западе ценности, как, например, толерантность.

Какие человеческие качества в исследованной нами студенческой среде относят к категории ценностей? В стандартном наборе таких качеств значительным большинством (почти 55% голосов) на первое место была выдвинута честность. В этом ценностные установки наших респондентов совпадают с мнением россиян в целом, хотя столичная студенческая молодежь ценит эти качества меньше, чем население России (ср.: [Российское общество..., 2016: 132]). Вслед за честностью по результатам «мягкого» голосования (из 17 включенных в список качеств разрешалось выбрать не более 5) расположились доброта, надежность, воспитанность и ум. Немалое значение придается трудолюбию, справедливости, солидарности, ответственности за себя и близких. Это надо отнести к привлекательным сторонам опрошенного нами контингента.

Если рассматривать наших респондентов как протоэлитную группу, нельзя не обратить внимания на сравнительно невысокую оценку ею таких характеристик, как собранность и самодисциплина, рассудительность, самокритичность, эрудиция, но особенно оценку деловых и волевых качеств. И конечно на то, что значительная часть молодых людей не рассматривает как нечто для них значимое долг перед Родиной и людьми. Это не значит, что в среде молодых интеллектуалов нет людей, наделенных перечисленными чертами и свойствами. Но понятно, что когда определенные грани личности не культивируются или даже не слишком одобряются в ближнем социальном окружении, то они и не развиваются, а иногда и вообще отторгаются. В этом сегодня нельзя не увидеть социальной проблемы: общество либо рискует получить в будущем пусть и компетентную, но не способную держать социальный тонус элиту, либо, как это было в 1990-е гг., на данную роль начнут претендовать совершенно неподходящие для нее элементы.

Впрочем, в какой-то степени обнадеживает то, в чем молодая поросль российских интеллектуалов видит критерии жизненного успеха. Почти 3/4 ответивших усматривают главный смысл жизни в самореализации и лишь после этого, с весьма значительным отрывом, отдают некоторую дань гедонизму (жить интересно, путешествовать, развлекаться – примерно 43% от общего числа ответивших; при этом среди специализирующихся в гуманитарной области эта доля на 4–5 процентных пунктов выше, а среди будущих инженеров и специалистов в естественных науках – ниже медианы). За такие варианты ответов, как «быть полезным обществу», «следовать принципам и идеалам», «добиваться справедливости» и т.п., подано не более одного голоса из каждых пяти – семи. Принимать на себя заботы о семье молодые образованные россияне также не спешат – эта позиция, собравшая в свою поддержку около 38% голосов, менее популярна, чем путешествия и развлечения. И все же будем справедливы: как показывают некоторые исследования, значительная часть российских студентов считает, что они должны во всяком случае нести ответственность не только лично за себя, но и за свой ближний круг, окружающую их среду.

Прогрессирующая бюрократизация науки и образования, в дела которых все активнее вмешиваются мало разбирающиеся в нюансах креативной интеллектуальной деятельности «эффективные менеджеры», вызвала новую волну миграционных настроений

образованной молодежи, которые в самом начале 2000-х гг. пошли было на спад. По данным проведенного нами в 2017 г. опроса, примерно 46% студентов элитных московских вузов рассматривают в качестве привлекательной перспективы возможность жить и работать за границей. Это – очень высокая цифра, хотя она ниже, чем в других постсоветских государствах. По данным белорусских коллег, проводивших свой опрос в Минском, Могилевском и Гродненском университетах одновременно с нами и по той же методике, эмиграционные настроения среди университетской молодежи Беларуси встречаются примерно в 1,3–1,4 раза чаще, чем у московских студентов.

Реконструкция эмоционально-ассоциативной основы, на которой выстраивается «картина мира» нового поколения российской интеллигенции, осуществлялась посредством психосемантического зондирования. В частности, нашим респондентам был предложен список понятий, по каждому из которых надо было указать, какие ассоциации оно вызывает (положительные, отрицательные или нейтральные). Полученные данные, в сокращенном виде представленные в табл. 2 и в значительной мере коррелирующие с результатами более ранних всероссийских опросов [Россия на рубеже..., 2000: 325–419], свидетельствуют, что «эмоциональная фокусировка» российского менталитета осуществляется вокруг смысловой триады «свобода – справедливость – прогресс» (индикатор положительных реакций на эти понятия 88–89%). Обращает на себя внимание также характерная эмоциональная окрашенность стрелы времени: будущее воспринимается намного позитивнее, чем настоящее и прошлое (85% положительных реакций против соответственно 65 и 40%).

В начале 2000-х гг. мы отмечали выявленное в ходе эмпирических исследований различие в реакциях русских и немецких респондентов к понятиям, относящимся к интеллектуальной деятельности и познанию («учиться», «знать», «интеллектуал» и т.п.): среди русских они воспринимались заметно благожелательнее. Наш опрос показал, что в российской студенческой среде понятия данного семантического ряда по-прежнему имеют высокие индикаторы позитивности – более 70% (и это значительно выше специально включенного

Таблица 2

**Эмоционально-ассоциативные реакции студенческой среды
на некоторые понятия, несущие социальные смыслы (%)**

Понятия	Полож.	Нейтр.	Отриц.	Понятия	Полож.	Нейтр.	Отриц.
1. Справедливость	89	9	1	19. Традиция	48	41	10
2. Свобода	88	9	2	20. Патриотизм	45	43	11
3. Прогресс	88	10	1	21. Прошлое	38	49	10
4. Будущее	85	12	2	22. Реформа	37	53	8
5. Учеба (образование)	77	18	4	23. Рынок	33	58	8
6. Интеллектуал	74	23	2	24. Нация	30	60	9
7-8. Мораль	72	24	3	25. Запад	27	63	7
7-8. Права человека	72	24	3	26. Либерализм	25	61	9
9. Сострадание	67	27	4	27. СССР	25	57	16
10. Расслабление	67	26	5	28. Государство	23	56	12
11-12. Индивидуализм	65	29	5	29. Коллективизм	22	57	17
11-12. Настоящее	65	29	5	30. Церковь	19	44	34
13. Равенство	60	31	8	31. Социализм	16	62	17
14. Россия	59	35	5	32. Консерватизм	15	53	29
15. Солидарность	56	40	2	33. Власть	15	53	30
16. Русские	50	45	5	34. Евросоюз	14	74	10
17. Бизнес	49	43	7	35. Капитализм	14	67	15
18. Демократия	48	43	7	36. Революция	12	42	45

нами в список соблазнительного для напряженно работающего студента понятия «расслабление»). Что же касается антиценностей (перевес отрицательных ассоциаций над положительными), то в их число российские студенты включили понятия «революция», «церковь», «власть» и «консерватизм»; примерно одинаковое количество положительных и отрицательных реакций отмечено в отношении понятий «социализм» и «капитализм».

В ряде публикаций мы отмечали, что, пережив этап «поиска себя» в современном сверхдинамичном мире, Российская Федерация (как, впрочем, и некоторые бурно развивавшиеся в последние десятилетия страны Азии) избрала для себя особую стратегию развития, которую можно назвать *традиционалистской модернизацией* [Российское общество..., 2016: 153]. Соответственно, «мягкая сила» России в последнее время также строилась на ее позиционировании в качестве лидера тех социальных и политических сил во всем мире, которые выступают за разумное сочетание традиционализма с обновлением и не желают отказываться от складывавшихся веками устоев социума – семьи, понимаемой как союз мужчины и женщины с общими детьми, права родителей определять способы воспитания, национальной идентичности, суверенитета национального государства и др. [Российское общество..., 2017: 138–139]. С точки зрения прогнозирования эволюции социальных стратегий российской элиты, важно было определить место концепта «традиция» на «ментальных картах» изучаемой нами молодежной среды. Как видно из табл. 2, понятие «традиция» значительно уступает в эмоциональной привлекательности понятию «прогресс». Но все же российские студенты воспринимают традиции скорее положительно: данное понятие прочно занимает место в середине составленного нами условного рейтинга (чего, правда, не скажешь о нередко смешиваемом с традиционализмом понятии «консерватизм»). Не будем пока делать выводов, но представляется, что студенчество элитных российских вузов на безоглядную ломку традиций не настроено.

Рассмотрим теперь, какие смысловые и эмоциональные ассоциации связаны в сознании респондентов с некоторыми значимыми для нас субъектами международной политики (помимо самой Российской Федерации, это США, ЕС, а также КНР, Беларусь и Украина). Некоторые из полученных данных представлены на графиках (рис. 1, 2, 3).

Ответы на данный вопрос продемонстрировали нескрываемое восхищение наших студентов Китаем, который у 30–40% опрошенных вызывает ассоциации в первую очередь с такими понятиями, как «эффективность», «сила», «расцвет», «достижение», «стремительность», «интеллект». США – это в первую очередь «благополучие», «сила», «свобода», но также «наркотики» и «агрессия». Представления о ЕС мало связаны с качествами силы и динамичности. Здесь отметки в 30% ответов достигли только «благополучие», «комфорт», «цивилизация» и «свобода».

А что Россия? Она является бесспорным лидером по «силе», значительно обойдя в этом плане не только Китай, но и США. После «силы» следуют «традиция» и «культура».

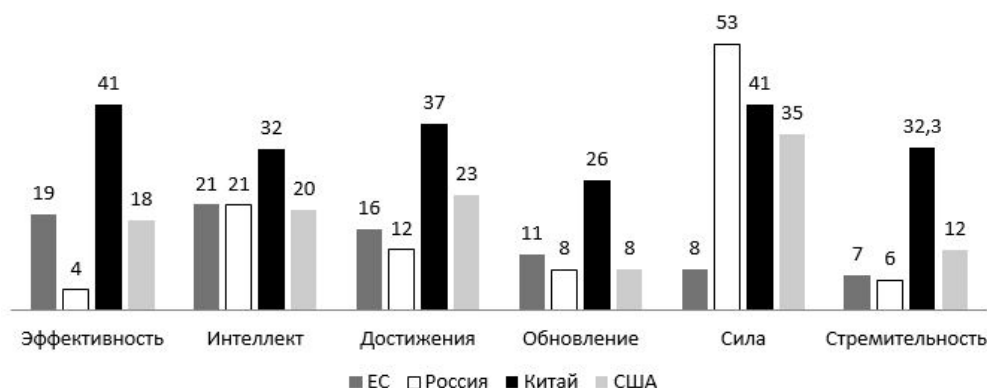

Рис. 1. Некоторые динамические характеристики (% от числа ответивших)

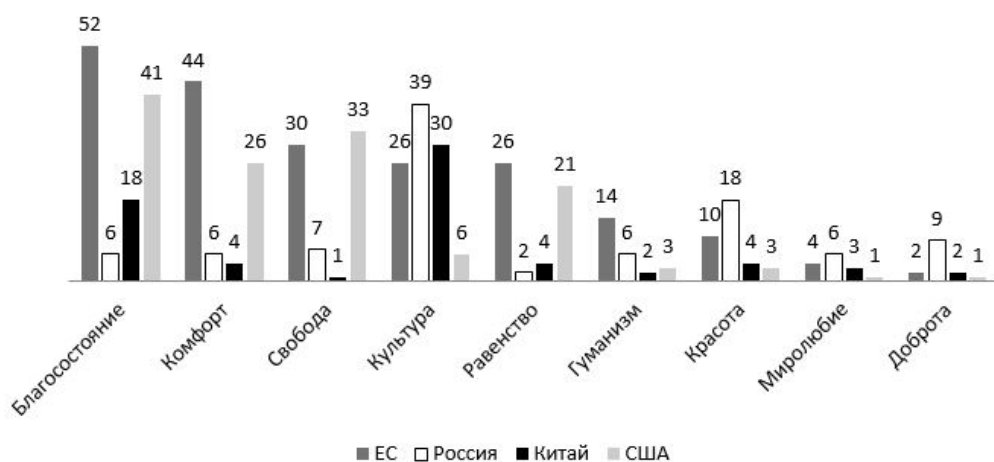

Рис. 2. Составляющие «мягкой силы» (% от числа ответивших)

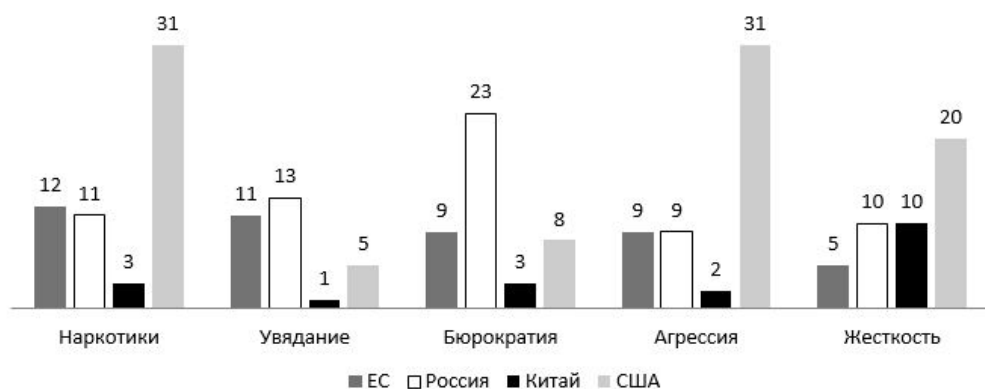

Рис. 3. Негативные характеристики (% от числа ответивших)

Россия получила неплохие результаты и по характеристике «интеллект» (примерно те же оценки, что США и ЕС, хотя и ниже, чем КНР). Однако по эффективности и благополучию она в глазах молодых российских интеллектуалов проигрывает перечисленным странам, кроме Украины. Последнее, конечно, никак нельзя признать объективно обоснованным, поскольку душевой доход среднего российского гражданина отнюдь не ниже аналогичного показателя в КНР. Но для нас в данном случае важно именно субъективное восприятие, которое может так или иначе определять модели реального социального поведения, настроения и общественную позицию опрашиваемых.

Похоже, в ходе проведенного опроса мы зафиксировали новый момент «ментально-го раздвоения» российской протозлитной среды. Молодые российские интеллектуалы вновь пытаются найти образцы развития где-то «на стороне». Правда, если учитывать их восприятие сегодняшней Европы, возрождение традиционного западничества вряд ли произойдет. Вместо него, скорее всего, будет формироваться более узкая ориентация на американскую модель, противовесом которой также будет служить не некий обобщенный ориентализм или традиционное евразийство, а совершенно конкретная и прагматическая ориентация на Китай. Будут ли они искать собственный путь в будущее? По результатам проведенного нами исследования такая возможность пока не просматривается.

К сожалению, в ходе проведенного исследования получены и другие результаты, которые трудно не назвать по крайней мере, настораживающими. Лишь у одного из 14–15 участников

опроса слово «Россия» ассоциировалось с понятием «свобода» – а ведь свобода, как мы отмечали выше, является для россиян одной из главных ценностей! Весьма слабы оказались ассоциативные связи между образом России и такими смысловыми характеристиками, как «миролюбие» и «гуманизм» (около 6% ответов), «обновление» (менее 8%), «нравственность», «добродетель», «творчество» (9–10%). В очень важной номинации «достижения» Россия в глазах наших респондентов выглядит несколько лучше Беларуси (12% против соответственно 5%), слегка уступает ЕС (16%), но много проигрывает США и Китаю (соответственно 23 и 37%). Около 13% ответивших на наши вопросы юношей и девушек охарактеризовали состояние современной России как «увядание» и лишь немногим больше 3% решились определить современное состояние нашей страны как «расцвет».

Проанализировав эти ассоциативные ряды, не приходится удивляться тому, что во взглядах молодых людей обнаруживаются определенные черты пессимизма и сомнений в историческом выборе России. Так, по вопросу о том, даст ли тот путь, по которому идет сейчас страна, положительные результаты или приведет в тупик, мы получили почти полуторакратное превышение отрицательных ответов над положительными (почти 37% против 24%) при очень большом количестве (свыше 40%) не имеющих на этот счет определенного мнения. Следует отметить: 7–8 лет тому назад мнения студенческой молодежи по этому поводу были заметно более позитивными [Андреев, 2011]. Теперь представим себе, что это может означать в среднесрочной перспективе. Сохранится ли наметившийся в последние годы вектор развития России, или по мере того как нынешняя российская элита будет замещаться представителями нового поколения образованной молодежи, страна вновь начнет терять уверенность в себе и вернуться к метаниям, через которые она прошла в последнее десятилетие советской эпохи?

В этой связи закономерен вопрос: как и почему среди той части молодежи, которая по идее должна сыграть ключевую роль в переходе России на путь инновационного развития, ведущий к закономерной смене форм техногенной цивилизации, складываются именно такие взгляды и представления? Его, конечно же, следует задать и тем, кто несет ответственность за молодежную политику, и «эффективным менеджерам», пытающимся экономить на гуманитарной компоненте образования, и руководителям тех СМИ, которые по идее должны представлять «мягкую силу» России как внутри страны, так и вне ее.

Социальные риски, о которых мы сейчас говорим, не предопределены. Процесс формирования картины мира в сознании «элитной» части российского студенчества зависит от нескольких причудливо взаимодействующих факторов, в той или иной степени перекрывающих друг друга. Согласно нашей гипотезе, то, как в конечном счете сложится результирующая этих факторов, в решающей степени зависит от идентичности, точнее – от ее субъективного переживания. При этом обязательно надо учитывать такую социально-психологическую особенность едва ли не любого входящего в жизнь поколения, как наличие у него *множественных прожективных самоидентификаций*, часто весьма фрагментарных, противоречивых и неустойчивых, но тем не менее эмоционально более сильных, чем «реалистическая» самоидентификация по происхождению и реальному социальному положению. У той части молодежи, которая готовит себя к интеллектуальным профессиям, прожективные самоидентификации обычно теснее связаны с образами будущего (предстоящего, впрочем, скорее в виде социальных мечтаний, чем обоснованных предположений). Однако для нас сейчас важнее обратиться к исторической составляющей идентичности, поскольку именно она определяет характер отношений между сменяющимися друг друга поколениями, а значит, ее анализ создает основу прогнозов по поводу того, насколько ожидаемое обновление элит может быть связано с существенным пересмотром модели идентичности и разрывами преемственности в развитии страны (как это случилось на Украине).

Обращаясь к данному вопросу, мы исходили из того, что история становится элементом идентичности по крайней мере двояко – через выбор любимых исторических персонажей и через дифференцированное отношение к тем или иным историческим эпохам. В программе нашего исследования отражены оба аспекта. При этом в обоих случаях мы

получили результаты, заметно отличающиеся от результатов опросов, проводившихся в разное время по квотным выборкам, моделирующим социально-демографическую структуру населения в целом.

Для россиян, если брать их в целом, первое место среди исторических героев безоговорочно занимает Петр I, которого всегда оценивают на порядок выше других государственных деятелей как Российской империи, так и СССР (не исключая Ленина и Сталина). В нашем опросе, что, в общем-то, не удивительно, царь-преобразователь также оказался бесспорным фаворитом. Но все же по уровню симпатий и уважения его заметно опередили Пушкин, деятели культуры Серебряного века, ученые и инженеры советской эпохи. И совсем неожиданным стало то, что практически вровень с образом неистового, поднявшего страну на дыбы самодержца встала фигура реформатора совсем другого типа – царя Александра II.

Если данные всероссийских социологических опросов неизменно показывают, что лучшим временем страны россияне считают «золотую осень» советской власти и текущий период отечественной истории [О чем мечтают..., 2015: 39], то студенты московских вузов поставили на первое место эпоху петровских преобразований (ее выбрали почти 57% ответивших). Учитывая значительную амбивалентность этого исключительно яркого, но и очень жестокого времени, точно сказать, в чем именно состоит смысл данной оценки, без дополнительных углубленных исследований сложно.

Остальные предпочтения наших респондентов интерпретируются без особых затруднений: они демонстрируют сдвиг предпочтений к периодам мира и интенсивного духовного творчества. Так, второе место в нашем условном рейтинге было отдано Серебряному веку русской культуры (свыше 40% ответов), вслед за которым идет пушкинская эпоха, разделившая условное третье место с периодом 2000–2010-х гг. С симпатией и уважением воспринимаются годы духовного подъема, связанного с Победой в Великой Отечественной войне. А вот вызывающая ностальгию у многих россиян эпоха «развитого социализма» в глазах молодежи не популярна, как непопулярны годы революции, «перестройка» и «святые девяностые» – их отмечали в ответах менее 10% респондентов.

Заключение. Исходя из анализа «картины мира» и ценностей студентов престижных российских вузов, можно сформулировать предположение, что трансформация российского социума под воздействием обусловленного императивами новой научно-технической революции запроса на реконфигурацию процессов вертикальной мобильности, скорее всего, приведет к существенной модификации социального и, возможно, политического мышления обновляющейся российской элиты. В частности, ее «картина мира» обещает стать более культуроцентричной.

Существует опасность дальнейшего нарастания среди имеющей наилучшие карьерные перспективы учащейся молодежи индивидуалистических настроений и их перехода в прямой эгоизм с сильными асоциальными тенденциями. Велика вероятность пересмотра доминирующих ныне взглядов на пути развития России, хотя вряд ли в сторону возвращения к неолиберальной политике, исторические воплощения которой у студентов формирующих интеллектуальную элиту страны российских вузов вызывают такое же отторжение, как и у большинства населения.

Можно ожидать, что модификация социальных представлений у этой части молодежи будет происходить довольно плавно. Это касается и ключевых для формирования ее идентичности взглядов на историю. Поэтому оснований прогнозировать какие-то разрывы преемственности в духовном развитии российского общества, связанные с формированием новых технократических элит, пока не видно.

В то же время ценности установки и представления молодого поколения российской интеллектуальной элиты во многом не совпадают с трендами, которые мы наблюдаем в других постсоветских странах, не исключая и наиболее близких нам в ментальном отношении (ср.: [Денисова и др., 2017]). В перспективе это может привести к корректировке политики собирания «русского мира» и к нарастанию отчужденности между интеллектуальной

элитой России и новыми поколениями национальной элиты других государств, входивших в состав СССР. Вместе с тем следует учитывать, что опрос, результаты которого мы использовали, охватывал далеко не все ключевые вузы страны. Это придает высказанным нами выводам и оценкам ограниченный и сугубо предположительный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. Перспектива инновационного развития России глазами научно-технической интеллигенции // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 66–76.
- Ашин Г.К. Элитология в системе общественных наук // Вестник МГИМО университета. 2009. № 6. С. 27–37.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
- Глазьев С. Информационно-цифровая революция // Изборский клуб. 2017. № 8 (54). С. 12–27.
- Денисова Н.Ф., Лашук И.В., Мицкевич О.Н. Базовые ценности белорусского общества: функционально-ориентирующие кластеры и вариативность ценностных структур // Мониторинг общественного мнения. 2017. № 4. С. 37–53.
- О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь мир, 2015.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 4. М.: Весь мир, 2016.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 5. М.: Весь мир, 2017.
- Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН, 2000.
- Уэмура Н. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 122–131.
- Bottomore T. *Elites and Society*. L.: Taylor and Francis, 2017.

Статья поступила: 23.09.18. Финальная версия: 26.12.18. Принята к публикации: 14.01.19.

EXPERIENCE OF STUDYING MENTAL DISPOSITIONS OF THE PROTOELITE ENVIRONMENT

ANDREEV A.L.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Andrey L. ANDREEV, Dr. Sci. (Philos.), Chief researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof., National Research Nuclear University MEPhI, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia (sympathy_06@mail.ru).

Acknowledgements. This research was supported by Russian Foundation of Fundamental Studies, grant No. 17-23-1007 а(м).

Abstract. The article is devoted to the socio-cultural aspects of the formation of a new technocratic elite in Russia, corresponding to the perspective of the so-called «society 5.0». There were some concerns about the impact on the process in the interest of the whole community. As a hypothetical proto-elite environment, on the basis of which the «elite 5.0» can crystallize in the future, the student contingent of leading Russian universities with increased requirements for the level of training is considered. The article presents the results of empirical research of this category of youth, on the basis of which its worldview, models of personal self-realization and hierarchy of values are reconstructed. Based on the reconstruction of the inner world of the «avant-garde» part of the Russian students, carried out on the basis of psychosemantic probing, forecasts are made about the possible evolution of the views and social attitudes of the updated Russian elite. The special role of the American and Chinese models in the formation of young educated Russians' ideas about how modern society should develop is noted. At the same time, based on the data of the study, the author substantiates the thesis that the Russian intellectual youth does not show a tendency to a sharp break with the traditions and, probably, with the strategy of traditionalist modernization is currently being implemented in Russia.

Keywords: elite, «society 5.0», proto-elite environment, psychosemantic sounding, mentality, self-realization.

REFERENCES

- Andreev A.L. (2011) Perspective of the Innovative Development of Russia through the Eyes of the Scientific and Technical Intelligentsia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 66–76. (In Russ.)
- Ashin G.K. (2009) Elitology in the System of Social Sciences. *Vestnik MGIMO Universiteta* [Herald of MGIMO University]. No. 6: 27–37. (In Russ.)
- Bottomore T. (2017) *Elites and Society*. London: Taylor and Francis.
- Gaman-Golutvina O.V. (2016) Political Elites as an Object of Research in the Domestic Political Science. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 2: 38–73. (In Russ.)
- Glaziev S. (2017) Digital Revolution. *Izborskiy club* [Izborsk Club]. No. 8: 12–27. (In Russ.)
- Denisova N.F., Lashuk I.V., Matskevich O.N. (2017) Basic Values of the Belarusian Society: Functional Orienting Clusters and the Variability of Value Structures. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. No. 4: 37–53. (In Russ.)
- What Russians Dream About: Ideal and Reality*. (2015) Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Russian Society and the Challenges of Time*. Book 4. (2016) Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Russian Society and the Challenges of Time*. Book 5. (2017) Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Russia at the Turn of the Century*. (2000) Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Uemura N. (2017) Society 5.0: a View of Mitsubishi Electric. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies]. No. 4: 122–131. (In Russ.)

Received: 23.09.18. Final version: 26.12.18. Accepted: 14.01.19.